

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Николай Иванович Бояршинов вышел с парома и не спеша направился к Оханску. Он был в том возрасте, когда незнакомые люди его называли дедом, а не папашей, как бывало раньше. Его догнала машина, шофер предложил подвезти до города, дед не отказался. До гостиницы доехали быстро. Она была почти пустой. Дед устроился и прилег отдохнуть. Родная сторона, как-то она его примет? Не был здесь с войны. Он понимал, что никакие оправдания не помогут загладить в душе его вины перед родными. Николай Иванович не знал, вернулись ли с войны его братья, Дмитрий и Алексей, живы ли сестры, неведомо ему, где похоронена мать. Не знал дед, что и деревни, которая снилась ему ночами, уже давно нет. Небольшого роста, кре-

Никогда, пока не уйдут последние из старших поколений, никогда жители нашей страны не забудут этот день – 22 июня 1941 года. Отзвуки первых дней войны и сегодня будоражат сердца тех, кто ее пережил и не просто пережил, а испытал все «прелести» фашизма, который в ряде стран снова поднимает голову.

Фронт - Эстония и... Магадан

пенький, седовласый и голу-боглазый, он походил на гнома из сказки, только бороды не хватало.

Его считали погибшим еще с 1944 года, родным пришла похоронка. Плакали, как положено, и старались не вспоминать о нем, не травить душу. Только мать нет-нет да всплакнет, вспомнив своего младшенького. Он за курами любил ухаживать, передразнивал их постоянно, а петухом иной раз закричит, не отличишь от настоящего.

Плен

Николай Иванович и сам себя считал погибшим, когда лежал у развороченного орудия возле реки без признаков жизни. Немцы делали обход, собирая своих убитых. Увидев трупы русских, похватили их за ноги - за руки и побросали в речку. Тело одного молоденького солдата казалось невесомым, и он пролетел дальше всех, оказавшись на кочке, а голова - в воде. От удара он очнулся, поднял голову и застонал.

Немцы сами удивились, что

труп ожил. Они вытащили солдата из речки и под собственное громкое улюлюканье потащили его по земле. Парень снова потерял сознание. Его занесли в блиндаж, где еще вчера находился штаб нашей армии, а сегодня хозяйничали фашисты.

Николая усадили на стул, облили холодной водой. Он медленно приходил в себя. Как сквозь сон, слышал непонятную лающую речь.

- Я люблю хороший солдат, - услышал парень, наконец, русские слова и понял, что к нему обращается офицер. - Теперь ты никто, тебя не примет твое общество, ты для твоей Родины уже умер. Тебе лучше работать на нас. Мы дадим тебе корм и свобода.

В это время в блиндаж заскочил солдат в мышинной форме и что-то крикнул офицеру. Тот, заправив пистолет в кобуру, и дав приказание ординарцу охранять пленного, выскочил за дверь.

Николаю в этот момент больше всего хотелось умереть, чтобы не слышать немецкой речи. Он совсем не

давно прибыл в часть с пополнением, большинство которого составляли добровольцы с Урала и Поволжья.

- Вот так, Колька, отговаривался, - мстительно думал он о себе. - Героем хотел стать, а угодили, как кур в ощиц. Теперь еще и в предатели запишут.

Он не хотел признаваться даже самому себе, что боится пыток, боится физической расправы, боится, что в бреду из него вырвут то, о чем говорить нельзя. Он сидел, а его голова болталась в разные стороны.

Вернувшись, офицер продолжил свою речь на ломаном русском языке.

- Ты молодой. Даю тебе шанс - жить. Ты сейчас будешь говорить своим по микрофон, что сопротивление не нужно. Они все в окружении. Твоя задача - убедить сдаваться и бросать оружие. Как вы говорите? Не видеть своих ушей? Так вот, и Берлин вам не видеть, как свои уши. Если не сделаешь, твое имя будет проклянуто своими, мы сделаем тебя предателем.

- Я никогда не был предателем и не буду им! - взорвался, насколько мог, Николай. Он видел, что на столе лежат его документы и фотография матери. То есть, о нем все известно немцам, но это ничего не значит.

- Ты будешь говорить и стоять на пригорке. Тебя будут бить свои, - добавил офицер, раскачиваясь с пятки на носок.

В сознании парня стояла мать. Она, сложа руки на груди, о чем-то говорила ему, словно просила все перетерпеть, ради нее, ради своих братьев и сестер, ради всей деревни.

И он согласился. Конечно, уговаривать боевых товарищей сдаваться, он не собирался, но очень надеялся, что его убьют, не свои, так чужие.

Продолжение в следующем номере.

Светлана Еловицова

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

В старости
детям стала не нужна

Окончание. Начало в №24.

Она понимала своим умом, что отец был плохим примером для детей. Работал в колхозе, но после полочки по несколько дней не выходил на работу. Ему во время страды вообще зарплату не выдавали, он ее получал после основных полевых работ. Что-то, а трудиться он умел! Когда не пил, мог горы свернуть. Но, будучи пьяным, по любому поводу привязывался то к детям, то к жене, придирался, мог оскорбить с полным набором русского мата, а то и арапником замаяхнуться. Ребята боялись разгневать его в это время и старались уйти из дома. Из-за пьянки и пострадал. Чуть не замерз в новогоднюю ночь. Случайно парочка молодых его обнаружила неподалеку от речки, притащили домой. Мария Андреевна оттирала мужа самогонкой, поила травами, топила специально баню, фельдшер через день наведывалась с уколами - ничего не помогло. Организм не выдержал. Хорошо, еще Сергей был в это время дома, помогал поднимать отца, носил в баню, менял подстилки.

Недолго прожила старушка в интернате. Дети, кроме Анатолия, не звонили. Она и телевизор редко смотрела, больше у окна сидела, думала о чем-то, никогда не жаловалась.

Старушка ушла вьюжной холодной ночью. Обычно, как только прихватывало сердце, она звала медсестру, но в последний раз решила никого не беспокоить в надежде, что до утра протерпит. Похоронили Марию Андреевну рядом с мужем на родном погосте. Из детей только Анатолий шел за гробом.

Через полгода все дети собрались в родительском доме, но совсем не по причине ностальгии. Они были вне себя, когда узнали, что мать завещание составила на Анатолия, потому что достаток у него был хуже, чем у остальных детей, да и любителю рыбалки и охоты будет, где остановиться и машину свою оставить. Братья и сестры потребовали, чтобы брат откупился.

До суда дело не дошло, но с ним, как с изгоем, никто из родных не разговаривает и не общается. Лето он проводит

в деревне, а на зиму уезжает в город.

- Мне очень обидно, что так распорядилась жизнь, - сетует он. - Я ведь сколько раз звал братьев и сестер приехать сюда, хоть чем-то матери помочь. Когда на пенсию вышел, сюда стал часто приезжать, надеяться не на кого. Они все отговаривались, находили причины, а когда срок подошел в наследство вступать, так сразу время нашли. Мне интересно, чего им не хватает. Все живут в полном достатке, я себя тоже вовсе бедным назвать не могу, но купить квартиру по нынешним ценам - мне, конечно, не под силу. Я им не отказывал сюда приезжать летом и отдыхать, но они хотели продать дом. Разве за него много дадут? Что тут продавать? Они потребовали, чтобы каждому из них я по сто тысяч рублей уплатил. Представляете? То есть, полмиллиона на всех. А моя пенсия 20 тысяч, у жены - того меньше, да к тому же она - больной человек, сейчас не ходит совсем. У нас еще и внуки есть, из каких ресурсов полмиллиона накопить? Вот так и остался я без братьев и сестер. А мать жалко, не ценит я ее по молодости. Мне ка-

залось, она меня не долюбливала, хотя, как сейчас помню, если мне было плохо, шел к ней, и она находила нужные слова, успокаивала. О том, что дом она подписала на меня, я и не знал. Нотариус в доминтернат приезжал и все оформил. После смерти матери мне отдали документы и вещи ее.

Подобных историй можно привести десятки. Из-за наследства, иногда мизерного, случаются целые баталии с исками, судами и разборками. Что взять с дома, который еще прадеды строили? Пока жив был хозяин, что-то ремонтировал, переделывал, перекладывал, а потом десятки лет ни к чему мужская рука не прикасалась. Богатенькие дети были заняты только собой и своими семьями, а про мать не вспоминали, правда, на лето все-таки отправляли

своих детей к бабушке, пока те были маленькими.

Мать, кроткая по натуре, не беспокоила их лишней раз, старалась со всеми проблемами справляться сама. А когда занемогла, на выручку пришел тот, от кого она меньше всего ожидала помощи, Анатолий с детства был не очень общительным, все держался в стороне от других ребят, которые дразнили его жиркомбинатом, стеснялся, никогда ничего не просил. Мария Андреевна про себя называла его Букой, но не произносила это вслух. Вот он оказался человечнее других. Зато после смерти матери, на похороны которой остальные дети так и «не смогли» приехать, все примчались делить наследство. Брат, которому это наследство досталось, теперь стал врагом для них.

Светлана Еловицова

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Продолжение. Начало в №25

Пока, шатаясь и хромая, шел на пригорок, перед ним пролетела, промчалась вся его жизнь длиной в 18 лет. Родная деревня, сельская школа в четыре окна, дом у оврага на окраине, речка, которую они с ребятами переплывали наперегонки, старшие братья. Где они воюют сейчас? Хорошо, хоть не видят его позора. И колхозники не видят, которые пророчили ему в будущем место председателя колхоза за деловитость и серьезность.

Из одного плена в другой

Взойдя на самое высокое место, солдат огляделся. Ближе от него со всех сторон стояли враги, а там, вдали неясно виднелись окопы, куда временно отошла его часть. Парень стоял, и гимнастерка его, вся в крови и грязи, трепыхалась на ветру.

- Ты должен говорить вот этот текст, - подошел к нему офицер и протянул бумажку.

Парень наскоро прочитал, кивнул головой. Заиграла музыка. Потом из динамика слышалось:

- Сдавайтесь, русские, все вы умрете, и никто не узнает ваши могилы. С вами будет говорить ваш товарищ. Слушайте!

- Ребята, - выдал из себя первое слово Николай, а потом закричал. - Бейте их, тварей, и дойдите до Берлина!...

Больше он ничего не успел сказать, на него навалились со всех сторон и, уложив на землю, начали пинать. Еле живого притащили и бросили в сарай.

Ночью он слышал топот, неясное бряцанье и разговор. Забылся. Очнувшись, когда понял — его куда-то несут. Потом снова слышал чужую речь, но она была другая.

Когда перед глазами забрезжил свет, открыл глаза. Он лежал в помещении очень похожем на блиндаж, но стены не деревянные. Рядом сидел молодой мужчина и непрерывно глядел на него. Увидев, что парень очнулся, протянул руку и сказал коротко:

- Гинтас, я-Гинтас, а ты?

- Коля, - слабо откликнулся тот. - Где я?

- Ты у нас, мы боремся за свободу своего народа. Мы — это эстонцы. У нас мало говорят по-русски. Я буду с тобой находиться.

Николай вспомнил, как политрук перед заходом на территорию Прибалтики говорил, что многие жители ушли в леса и объединились в отряды, которые борются против Красной Армии.

Этого следовало ожидать. Было бы странным, если бы эстонцы не начали этой борьбы. Они всегда себя считали элитной нацией. Часть людей просто скрывалась от советской мобилизации. По оценкам военных историков активных «лесных братьев» было

Фронт - Эстония и... Магадан

около 12 тысяч человек, а к концу летней войны 1944 года их число возросло в разы.

Это было спонтанное народное движение, у которого не было ни организации, ни единого управления. Многие, обиравшись на «советский террор», просто исходили из личной мести и уходили в леса.

В один из таких спонтанных отрядов и попал Николай Бояршинов. Стычка с немцами у эстонцев получилась случайной. Они думали, что в доме расположен штаб советской армии, не зная, что накануне обстановка изменилась. В темноте сняли часовых, из сарая вытащили пленного с тем, чтобы выпустить его потом на свободу, они думали — это немец. Офицера на месте не было, «братья» не сразу поняли, в чей штаб ворвались, а когда поняли, постарались поскорей ретироваться, не забыв прихватить пленного.

Николай не знал, что его ждет, в 18 лет он только-только взял в руки оружие и успел принять участие всего в нескольких боях. Раньше в школе они с ребятами часто

«Лесные братья» на «охоте» за сочувствующими Советской власти.

спорили, что такое подвиг, способны ли они сами его совершить. Какое было хорошее и беззаботное время! Парень даже застал от тоски.

- Какое звание ты имеешь? - спросил Гинтас.

- Разве не видно, рядовой я.

- Когда ты начал воевать?

- Два месяца назад.

- Ты, конечно, доброволец и большевик?

- Да, доброволец. Кто мою землю должен защищать? И комсомолец — я горжусь этим.

- Ты говоришь, свою землю защищаешь. А я тоже свою защищаю, которую вы у нас отняли в 1940 году. И мы не хотим, чтобы русские топтали нашу Эстонию. Это наша земля. Вот так.

- Но мы же теперь одна страна, значит, братья, потому и воевать вместе должны.

- Нет. Ты не понял, мы навсегда враги. Если ты не будешь с нами, тебя уничтожат, так и знай. Умрешь страшной смертью, мы это умеем. Завтра будем с тобой разговаривать, а сегодня отдыхай.

Гинтас задумал, ушел, а

Такие «следы» оставляли эстонские националисты после набегов на «красные» села.

Николай решил обследовать помещение. С трудом поднявшись с топчана и держась за стенку, дотаскился до какой-то балки, нащупал за ней вертикальную лестницу. Понял, что это бункер, и находится он под землей. Попробовал подняться. Нет. Раненая нога не слушалась, он мог ее только подтаскивать, да и голова кружилась после контузии.

Он лежал потом на топчане,

больше всего хотелось жить.

Из объяснения Гинтаса и Мартина Николай понял, что, кроме них, он знает никого не будет. Конспирация.

У «лесных братьев»

Сколько дней лежал Бояршинов в бункере, он не знал, время для него отодвинулось. Не знал, что делается наверху, не знал, где его часть. Гинтас приносил ему скудную еду, делал перевязки, учил некоторым словам, которые никак не ложились в сознании. Постепенно он оправился от ранения и контузии, мог более-менее свободно передвигаться по бункеру.

- Все, Коля, пора тебе на свет выходить, - сказал ему однажды Гинтас. - Смотрю, не дается тебе наш язык, так ты будешь у нас неммым. Можешь мычать, свистеть, но не говорить. На первое задание пойдешь с Мартином. Он не говорит по-русски, но все понимает.

На задание они пошли на закате. Выйдя из бункера, Коля вздохнул полной грудью так, что короткое помутнение в голове появилось от свежего воздуха. Мартин шел впереди, Николай в нескольких шагах от него сзади.

Когда впереди показалось очертание жилища, остановились. Мартин жестами объяснил, что надо пойти в дом, попросить пить, а потом уйти.

Парень пробрался незаметно к жилищу, заглянул в окно. За столом сидела средних лет женщина и старик. Они перебирали крупу.

Он постучал. Дверь открыла женщина. Увидев незнамого гостя, что-то спросила. Поскольку Коля должен быть неммым, он и прикинулся им. Промычал, дал понять, что хочет пить. Хозяйка вынесла ему в ковше воду и кусок хлеба. Не пригласила войти. И парень ушел восвояси. Кроме этого дома, других он не увидел, значит, хутор, или, как учил его Гинтас — мыза.

Вернувшись в кустарник, сказал, что никого, кроме хозяев, в доме нет. Тогда пошел Мартин. Его долго не было. Николай хотел спать, но пони-

мал, что нельзя этого делать. Уже начинало светать, когда на фоне неба появились две фигуры. Это были Мартин со стариком. Они прощались.

Не успел Мартин дойти до кустарника, как с противоположной стороны послышался шум мотора. Кто? Немцы или русские?

Они лежали за кустами и наблюдали, как из машины вышли двое в советской форме. Подошли к старику. Один из них открыл дверцу и жестом пригласил его в машину. Старик не двинулся с места, тогда на него навели оружие.

Мартин снял с плеча автомат и начал целиться. Коля умом понимал — надо помешать. Но как? Сам он был безоружным. Кинуться на Мартина? Силы неравные. Тогда он тронул его за плечо, дав понять, что хочет в туалет. Пока тот обернулся и что-то сказал, военные успели сесть в машину. Мартин со всего маху ударил напарника по лицу, выругался по-своему. Потом поставил его перед собой и ткнул автоматом.

Они без опаски шли по лесу, потом по равнине. Где-то отдаленно слышалась канонада. Николай и не заметил, как пришли на место. Вроде, та же разлапистая липа рядом с березой, а где ход? Земля ровная, бункера не видно. Потом откуда-то появился часовой, «открыл» землю, и они спустились в низ.

Мартин о чем-то долго беседовал с Гинтасом. Когда Мартин ушел, Гинтас сказал, что по счастливой случайности Николай остался жив. Мартин мог убить за то, что ему помешали. А у парня в душе все ликовало, ведь он помог сегодня своим уйти от пули.

Еще не раз и не два пришлось ему ходить на задания с Мартином. В основном, это были вылазки разведывательного характера, далеко ходить после ранения ему было еще не под силу, да и Мартина мучила одышка, он постоянно останавливался.

Время шло. Уже белые мухи пролетали в воздухе, а у Николая не было возможности сбежать. Оружия ему так и не давали, не доверяли и строго следили за каждым его шагом.

Но настал день, когда он все-таки почувствовал себя человеком. Узнав, что поблизости расположилась небольшая воинская часть, «братья» решились на отчаянный шаг. Перед этим произвели разведку, ни танков, ни пушек не заметили, поэтому шли на дело спокойно, чтобы разжиться оружием и провиантом.

Отряд был довольно многочисленный, вооруженный немецкими автоматами. К месту расположения подошли затемно. Вокруг было открытое место, на горизонте время от времени появлялись часовые. Коле тоже выдали оружие, правда, не немецкий автомат, а старую трехлинейку. Рядом неотступно следовал Гинтас.

Окончание в следующем номере.
Светлана Еловицова